

ТАМГИ АЛТАЙЦЕВ

Ценный этнографический материал сохранился для науки благодаря Зарифу Сафичу Гайсину и цепи случайностей. Известно о нем следующее: З. С. Гайсин, татарин, в то время был инструктором орготдела Сибкрайисполкома по работе среди национальных меньшинств, а затем куратором секции районного хозяйства в Крайплане Западно-Сибирского крайисполкома, был избран кандидатом в члены крайисполкома. В 1931 г. возглавлял Западно-Сибирский краевой штаб Всесоюзного смотра национальных меньшинств. Есть определенные основания считать, что его служба прекратилась в связи с широкими репрессиями периода «ежовщины», а отсюда и отсутствие (изъятие НКВД) документов, которые бы позволили узнать больше о биографии и трудовой деятельности этого, очевидно, далеко не ординарного аппаратного работника.

В начале 1928 г., отчитавшись о служебной командировке в Горный Алтай летом прошедшего года и выполнив свои непосредственные срочные обязанности, З. С. Гайсин выкроил время для передачи в Сибкрайархив собранных материалов. Он написал письмо на имя заведующего архивом. Им тогда был крупный ученый и общественный деятель В. Д. Вегман. Письмо Гайсина и приложенные к нему на двух листах материалы, названные им «Алтайские „тамга“», публикуются ниже в виде фотокопий. (Партийный архив Новосибирского обкома КПСС, ф. 5-а, оп. 1, д. 313, л. 17—19. Подлинник. Тамги начертаны карандашом).

Местонахождение материала имеет такую подоплеку: В. Д. Вегман одновременно был и заведующим Сибистпартом — Комиссией по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (Истпарт) при Сибкрайкоме ВКП(б). Занимаясь широким кругом вопросов истории Сибири (главным образом революционным движением), он обращался к темам, связанным с прошлым аборигенных народов. В частности, в середине 30-х годов он уделил особое внимание (в связи с изданием АН СССР алтайского эпоса «Когутэй») этнографии и фольклористике алтайцев. Одна из последних опубликованных статей ученого «Ценный памятник ойротского эпоса» (Сибирские огни, 1935. № 5. С. 158—164) являлась откликом на ввод в научный оборот фундаментального первоисточника по истории алтайского народа. Когда спустя полгода после указанной публикации Вегмана забирали как «врага народа», архивные материалы «изымали» скопом, нимало не заботясь о том, смешались ли документы двух разных систем — Сибархива и Сибистпарта. «Главными» предметами поиска представителей органов госбезопасности являлись материалы, дававшие какой-либо повод обвинить в антисоветизме старейшего в то время в Сибири большевика (член партии с 1896 г., ленинец с начала издания «Искры», печатался в ней, а потом и в других изданиях, редактируемых В. И. Лениным, как корреспондент и партийный публицист). Быстрая смерть В. Д. Вегмана в заключении снимала со следователей необходимость тщательно разбираться с колоссальным количеством «делопроизводственной переписки» с лицами, не занимающими высоких постов, особенно по вопросам архивного дела и историческим сюжетам, не связанным с политическими дискуссиями. Так огромные груды материалов, в значительной мере никак не систематизированные, попали в партархив Обкома ВКП(б) Новосибирской области, образованной в 1937 г. «Непрофильные» документы, тем более имеющие отношение к исследовательской работе «врага-двурушника», ждали часа, когда у партийных архивистов «дойдут руки» до их разбора и экспертизы с целью выявления автографов «незапятнанных» людей (В. Д. Вегман был близок с А. В. Луначарским, А. М. Горьким и рядом других известных деятелей партии,

ИНСТРУКТОР ОРГОТДЕЛА
НИРСКОГО КРАЕВОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ.

К Сиб архиву
г. Н. Ф. Вегман
К бытности в библиотеке, среди
Алтайцев и т. д. и т. д.,
между делом, они совершенно случайно
каждый ставил «свою родовую
«свою» тамгу».
Замечая эти деловые
мне не удалось, некогда было.
Эти совершенно случайные их
знаки «тамга» укладывав в
область предания, полагаю
в сибархиве будет сохранены
16/II-1928 года З. С. Гайсин

Рис. 1. Докладная записка З. С. Гайсина

культуры, науки) и списания остального в макулатуру. С середины 50-х годов сохранившаяся часть материалов Вегмана и Сибистпарта была скомплектована в фонд-коллекцию.

При разработках сюжетов истории партийного строительства исследователи, естественно, игнорируют «непрофильные» материалы, случайно оказавшиеся в фондах-коллекциях; тогда как специалисты-историки «гражданского направления» в партархивах обычно не работают. В числе таких «никому не нужных» документов, пожалуй, и пролежали бы алтайские тамги до их изъятия из архивного дела и механического уничтожения, если бы не установились рабочие деловые контакты Новосибирского архива с Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР. Сотрудники последнего (к сожалению, пока только историки, привлекаемые в качестве редакторов и составителей изданий партархивов) постоянно напоминают архивистам о возможной ценности «непрофильных» документов, стараются скопировать те из них, которые интересны для работы по «своим» темам. Публикация фотокопий — самая надежная гарантия того, что алтайские тамги, собранные летом-осенью 1927 г. З. С. Гайсиным, понимавшим, что они уникальны и должны быть сохранены для науки, действительно будут сохранены.

К сожалению, отсутствие каких-либо сопутствующих материалов (скажем, отчета З. С. Гайсина о командировке и т. п.) не позволяет пространно прокомментировать публикуемый документ и, главное, дать точные сведения по

ряду напрашивающихся вопросов. Поэтому выскажем лишь некоторые соображения по нескольким из них.

Очевидно, Гайсин собирал тамги в различных местах Горного Алтая (в тогдашней Ойротии), а под собирательным названием «алтайцы и теленгиты» у него объединены все многочисленные группы алтайцев. Единственное «географическое» упоминание: первый начертавший тамгу алтаец Уланкин — председатель Верхчергинского сельсовета Ойротской АО. Можно предположить,

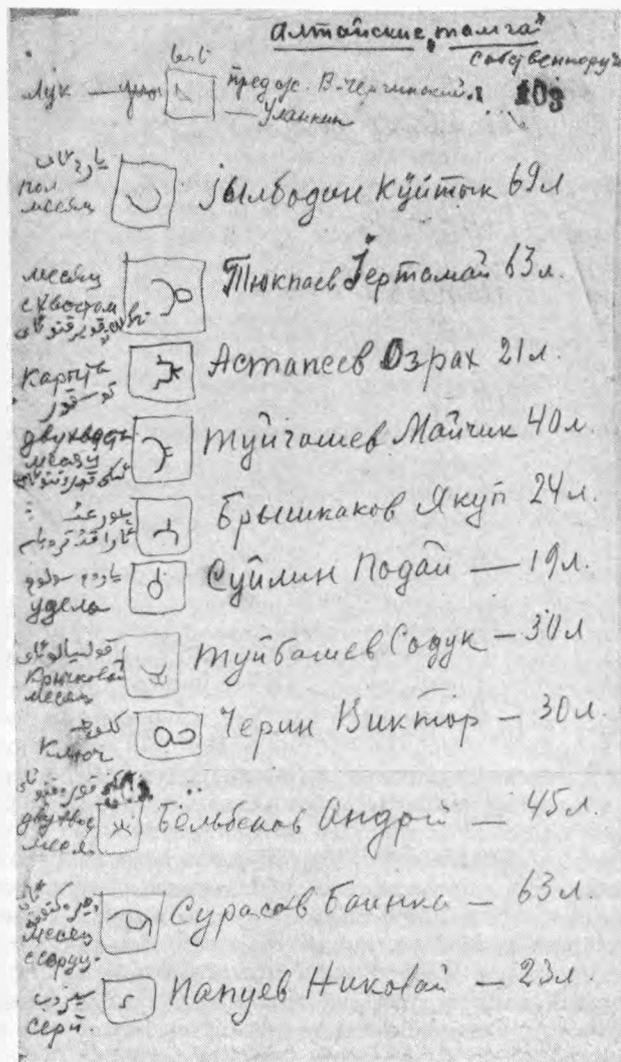

Рис. 2. Уланкин — лук, садак

Йылбодин Кюйтук — полумесяц, ярга ай

Тюкпаев Иертамей — месяц с хвостом, куйрешты ай

Астапеев Озрах — карпты, тускур

Туйгашев Майчик — двухвостый месяц, еки куйренты ай

Брышкаков Якуп — название на русском языке отсутствует, чургу ара Когурабасы (видимо означает «сбор камней». — В. П.)

Суймин Подай — удила, ярым солым жуген

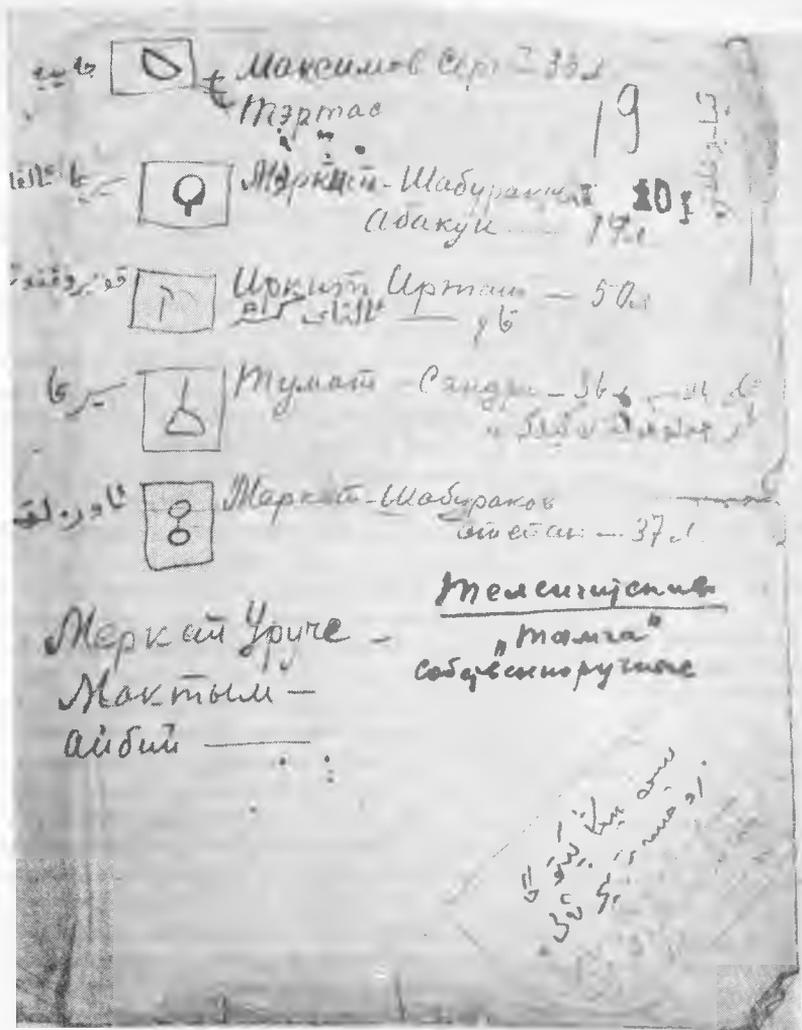
Туйбашев Содук — крючковый месяц, кояллу ай

Черин Виктор — ключ, килт

Бельбеков Андрей — двухвостый месяц, еки куйренты ай

Сурасов Боинка — месяц с сердцем, чиректы ай

Папуев Николай — серп, сиреб

- Рис. 3. Максимов Сергей — название на русском языке отсутствует, *жайя* (на полях надпись «*1 леу тау*», что в переводе значит «желание». — В. П.)
- Мэркит — Шабураков Абакуи — название на русском языке отсутствует, *сырга алка* (в переводе: «серьги на шее», т. е. «бусы». — В. П.)
- Иркит-Ирташ — название на русском языке отсутствует, *куйрепты ай* (в переводе «месяц с хвостом»; под именем названного человека надпись: «*алтай-кижи — кам*», в переводе: «шаман из племени алтай-кижи». — В. П.)
- Тумат-Сандра — название на русском языке отсутствует, *сырга* (в переводе: «серьга». Приписка З. С. Гайсина к имени человека: «*Еки баласы бар. Жологой дан келген*», в переводе: «имеет двух детей, имя жены Жологой». — В. П.)
- Мэркит — Шабураков Степан — название на русском языке отсутствует, *аузлык* (в переводе: «удила». — В. П.)
- Слова перед именами четырех последних в списке людей (Мэркит, Иркит и Тумат) обозначают их принадлежность к определенным алтайским родам.

что встречались они с Гайсиным в районе с. Черга, находящегося примерно в 100 км к югу от административного центра области Горно-Алтайска (тогда город назывался Улала). Черга — один из известных кумысных курортов. Поэтому вероятно, что упоминаемый в памятках З. С. Гайсина в документе на татарском языке (арабским шрифтом) татарин Сабиров, ответственный работник из Челябинска, который «со мной ездил», — один из лечащихся на курорте.

Для непрофессионала (неэтнографа, нетюрколога) уровень собирательской работы З. С. Гайсина вполне высок. Ему важно было, чтобы каждый из алтайцев «собственноручно» начертал тамгу и объяснил ее стилизованное изображение. Означив ее по-русски, собиратель сопровождал все тамги названиями по-алтайски, записав их арабским шрифтом. Не преминул он также указать возраст начертателей тамг (интересен широкий диапазон — от 14 до 69 лет).

Предполагая, что каждая расшифровка З. С. Гайсина может представить интерес, повторим перевод на русский язык написанных арабским шрифтом слов в последовательности указанных в документе лиц, начертавших свои родовые тамги.